

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 3, 1977, май — июнь

В номере:

1917—1977

- В. Н. Сергеев. Культура речи и словари-справочники советской эпохи 3
- Е. А. Левашов. Пушкин и академические толковые словари 12
-

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ ОБ А. С. ПУШКИНЕ

- «И назовет меня всяк сущий в нем язык...» 21
-

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Н. К. Гей. Гармония пушкинского стиля 27
- Е. П. Ходакова. Словесная игра у Пушкина 33
- Л. А. Гладышева. «...Печаль моя светла...» 39
- П. Б. Голуб. Образное слово Пушкина 43
- Ю. Г. Русакова. Заметки о языке романа «Евгений Онегин» 50
- М. А. Галманова. Новые материалы о Пушкине 56
- А. Н. Кожин. Слово поэта — боевое оружие 61
-

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

- А. Д. Блинов. Рабочий-герой: каков его язык? 68
-

- Интервью с главным режиссером Московского театра Сатиры В. Н. Плучеком 78
-

КУЛЬТУРА РЕЧИ. ГРАММАТИКА

- Р. И. Аванесов. О произношении отчеств с именами 82
- М. А. Бакина. «...Обеспечить, что означает: печи поломать» 90
- А. Я. Опришко. О новых наименованиях «старых» явлений 95
-

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ РОМАНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

(попытка
целостного анализа)

Как воспринимались стихи Пушкина его современниками? Этот вопрос, вероятно, достоин специального рассмотрения. Скорее всего, их восприятие отличалось от нашего, было свежее, конкретнее, непосредственнее.

Мы читаем Пушкина «сквозь магический кристалл» какого-то особого, благоговейного доверия к самому имени великого поэта, получаем сильнейшее эстетическое впечатление, даже не вникая детально во все художественные и смысловые связи отдельных слов и выражений. Поэтому иной раз может появиться какая-то нетребовательность к смысловому содержанию знакомых и любимых стихов.

Рассмотрим с этой точки зрения выражение Пушкина *будущий невежда* в знаменитом лирическом отступлении конца II-й главы (строфы XXXVIII—XL) романа «Евгений Онегин» (цитируется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. VI. М., 1937—1959).

Едва ли не с первого прочтения отмечаешь слова *будущий невежда* — их словно бы не совсем ясно понимаешь.

Но увлекающая стремительность певучих строф, волнующее сознание, что Пушкин обращается к нам, будущим друзьям-читателям — все это почти вытесняет из нашего сознания первоначальное маленькое недоумение: почему же будущий читатель, единственный конкретно упомянутый потомок, назван «невеждой»? Действительно, почему?

Ведь в тексте лирического отступления нет больше ничего, что указывало бы на невежество будущего читателя, напротив, ниже он назван «поклонником мирных Аонид» и к нему обращена благодарность автора. Нет оснований считать, что Пушкин обращает-

ся к двум разным потомкам: к «невежде» и к «поклоннику мирных Аонид». Такому пониманию противоречат формы обращения: «Прими ж...», «о ты, чья память...», которые соединяют воедино оба определения потомка:

Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных Аонид
О ты, чья память сохранит и т. д.

Поэтому возникает потребность понять слово *невежда* как-то иначе, чем просто синоним темного, некультурного человека. Может быть, во времена Пушкина у *невежды* было и другое значение? И если применить его к тексту интересующих нас стихов, то слова *будущий невежда* утратят некоторый «обидный» оттенок, который можно усмотреть в них теперь? Вспомним, что о юном поэте Ленском Пушкин говорит: «он сердцем милый был невежда», а о лицейстах — «душой беспечные невежды». В обоих случаях слово *невежда* характеризует только не опытного в жизни человека.

Однако, если воспользоваться этим новым значением (вернее, его оттенком) при анализе стихов из II главы «Евгения Онегина», то смысл их для нас не станет яснее.

В самом деле, что лестного для поэта в похвале несведущего, не искусленного в жизни человека: почему такой образ оказывается в центре его внимания? Ведь ничто в тексте не разъясняет, за что к зеленому юнцу, невежде сердцем, обращены благодарения поэта. Других же значений, применение которых могло бы нам помочь, у слова *невежда* не зафиксировано (см.: Словарь языка Пушкина. М., 1957). Остается надеяться, что разгадка где-то в контексте. Внимательно рассмотрим последние строфы конца II главы.

Вероятно, что-то бесконечно важное поэт сообщает в этих строфах о себе и это что-то оказывается теснейшим образом связано с нами, его читателями.

Сначала (строфа XXXVIII) высокая тема жизни — не в конкретно-историческом освещении и не в бытовом, но жизни как смены поколений, с неминуемой ограниченностью земного бытия; потом (строфа XXXIX, стихи 1—2) — краткое упоминание о легком, бездумном отношении к жизни... Может быть, и по содержанию и композиционно эта тема призвана подготовить читателя к восприятию мимоходом данной исповеди Пушкина (строфа XXXIX, стихи 3—14 и строфа XL). Она в сжатом, всего в несколько стихов, рассказе о том, как оценивает окружающий мир и себя самого он, 24-летний поэт, о том, «что душу волнует, что сердце томит».

В эти годы мотивы романтической разочарованности нередко вплетались в его лирику: «призраки» Добро, Справедливость, Дружба, Слава, Любовь — обманули и предали, на них не стоит больше смотреть («Для призраков закрыл я вежды»).

Единственно, что еще сохранило ценность для разочаровавшегося в жизни романтика, — «отдаленные надежды» на то, что его творчество переживет его самого, иными словами мечты о бессмертии, которые представлены разнообразно: от беглых, мимолетных упоминаний о потомстве до могучих чеканных строф «Ехегі monu-mentum». Однако среди поэтических обращений к потомкам эпилога II главы «Онегина» отличается таким своеобразием, что на этом необходимо особо остановиться: понять смысл интересующих нас слов *будущий невежда* можно лишь при самом пристальном внимании ко всем темам и образам лирического отступления.

Размышление поэта о скоротечности человеческой жизни, признание в своих разочарованиях, надежды на то, что стихи его пригодятся людям будущего, благодарность будущим читателям — вот, на первый взгляд, все смысловое содержание трех строф. Но такой поверхностный пересказ оставляет нетронутыми целые безды поэтического содержания, оттенков, ассоциаций.

Например, если вдуматься в тот факт, что предок благодарит своих потомков, как это делает Пушкин. Ведь, как правило, наоборот: потомки обращаются с благодарностью к памяти предков!

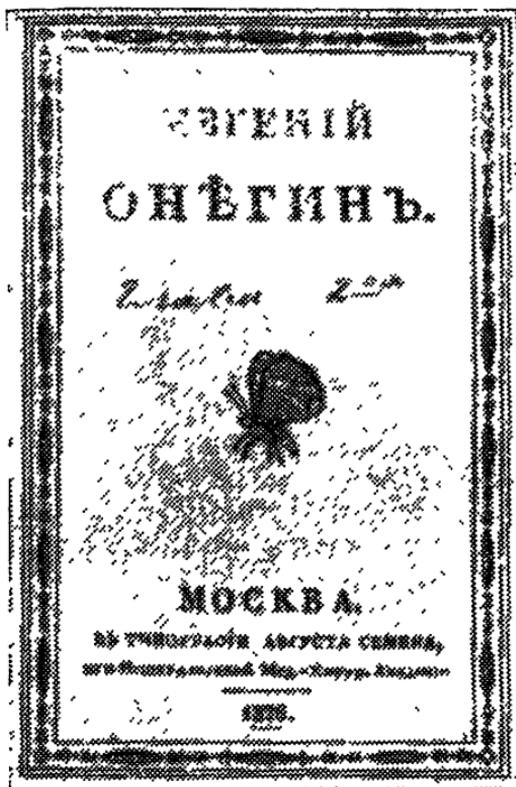
Видимо, когда художник начинает сознавать, что его поэзия переживет его самого, — у него появляется потребность сказать об этом в творчестве; так делали поэты и до и после Пушкина. М. М. Бахтин пишет: «Нельзя быть великим в своем времени, величие всегда апеллирует к потомкам, для которых оно станет прошлым» (М. М. Бахтин. «Вопросы литературы и эстетики». М., 1975).

Если вообразить себе временную ось «поэт — будущие читатели», и использовать ее при разборе интересующих нас стихов, то окажется, что Пушкин не только высказал надежду на бессмертие своей поэзии, но еще, осознавая себя предком, великим поэтом прошлого, как бы сумел «услышать», воспринять благодарность потомков и в ответ на нее послать будущему читателю приветствие:

Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных Аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья;
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

При чтении лирического эпилога II главы нас не покидает волнующее ощущение, что наши чувства и впечатления уже известны самому Пушкину, что именно строфа, которую мы сейчас читаем и которая трогает и потрясает наше сердце, сохранила приметы времени: так сказать, пушкинского «сейчас», тех минут «8 Декабря 1823 nuit» [ночью], когда Пушкин слагал стихи, видел

«Евгений Онегин».
Отдельное издание
II главы. 1826 год

их еще недописанными перед собой на листе бумаги и одновременно представлял себе будущую жизнь этих строф:

И чье-нибудь он сердце тронет,
И сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной...

Неудивительно, что весь эпилог II главы, исполненный лирических признаний автора, написан во взволнованном, растревоженном тоне:

Тревожат сердце иногда...
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал...
Но я бы, кажется, желал...

Удивительно другое: зачем, почему о будущем читателе говорится как о «невежде»; здесь, среди тонких и сложных переживаний, исполнивших стихи такой задушевной лиричностью, какаю роль отводится человеку, *неразвитому и несведущему?*

Собственно говоря, все стихи ясно и легко понимаются, кроме одного четверостишия:

Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!

При внимательном чтении остается смутное впечатление, что в нем есть что-то шуточное; что композиционно оно, пожалуй, занимает особое место. Интересно, что, если попробовать представить себе лирический эпилог без этих четырех стихов, то общий смысл не пострадает: и без них мы узнаем, какое место отводилось «отдаленным надеждам» на фоне общей картины сознания автора; и без данного четверостишия устанавливается Пушкиным связь с потомством.

Отсутствие прямой смысловой нагрузки в четверостишии «Быть может (лестная надежда!)» подтверждается и тем, что выражение *будущий невежда* находится в прямом противоречии со всем контекстом лирического эпилога. Ведь не может быть назван «невеждой» в значении «темный, невежественный человек» тот, чье эстетическое чувство настолько развито, что его взволнуют стихи давно жившего поэта; тот, кто знает наизусть стихи и кто заслужил от Пушкина название «поклонник Аонид».

На первый взгляд, возможно еще одно понимание связи этого четверостишия с остальными: когда-нибудь творчество поэта будет известно всем — даже невеждам, и вот им поэт благодарен: «Прими ж мои благодаренья...».

Однако такому пониманию противоречат стихи «Поклонник мирных Аонид» и «О ты, чья память сохранит Мои летучие творенья» и — что не менее важно — ему противоречит весь пафос стихов, вся та тоска в настоящем и надежды на будущее; словом, подобное понимание недостаточно учитывает психологическую глубину и сложность «лирического отступления».

Нам кажется, что четверостишие «Быть может (лестная надежда!)» несет особую нагрузку. Оно — шутливый привесок к тем строкам, где наиболее откровенно, хотя и робко, высказал Пушкин свою надежду на бессмертие: «Быть может, в Лете не потонет Строфа, слагаемая мной».

Анализ лирического отступления обнаруживает перед нами необычайную душевную деликатность Пушкина.

Так, высказавши «самое главное» для себя, то, ради чего, может быть, и было «затейно» лирическое отступление в этом месте романа, Пушкин словно испытал потребность снизить тон, слегка пародируя только что высказанное признание. Недаром же и со стороны композиционной начало четверостишия «Быть может

(лестная надежда!)» выглядит как своего рода синоним к предыдущим стихам (ср. повторение «Быть может» в том и другом случае). Очевидно подобный прием снижения, легкого пародирования помогал в иных случаях великому поэту.

Так и образ читателя, благоговейно прикасающегося рукой к лавровому венку гения, предстает в слегка сдвинутом виде, будто показанный в кривом зеркале:

Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика.

А в слегка ироническом контексте четверостишия отдаленные надежды (единственно значимое для поэта в жизни — (см. строфу XXXIX) пародийно сведены к «лестной надежде» на глубокомысленное замечание невежды «То-то был поэт!» (Разумеется, эпитет *лестная* имеет здесь шутивно-уничижительный характер.)

Четверостишие «Быть может (лестная надежда!)» несет еще и композиционную нагрузку, так сказать, в масштабе всего лирического эпилога: именно, в нем впервые вводится конкретный, зрительный образ того, к кому буквально обращен весь пафос стихов — ценителя поэзии, читателя будущих времен.

Если увидеть в целом «сюжет» четверостишия, то перед нами трезво-реалистический образ славы: человек, заведомо чуждый эстетическим восторгам, укажет на портрет великого поэта и одобрительно отзовется о нем. (Характерно, что объектом внимания будущего невежды великий поэт предпочел сделать не свои стихи, а свой портрет.) Все это Слава — один из романтических призраков в конкретно-реалистическом развенчании. Пушкин дает в I главе романа «Евгений Онегин» такой же образ прижизненной славы:

Ступай же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

Наше первоначальное доверие к Пушкину не обмануло нас. Видимо, не таков был Пушкин, чтобы в лучшем своем произведении, каким он считал роман «Евгений Онегин», без всяких оговорок расписаться в собственном величии. И поэт прибегнул к ироническому контексту, накинул легкий покров пародийности на свои самые сокровенные мысли — может быть, высказать их иначе не позволяло ему душевное целомудрие — так и появилось выражение *будущий невежда*.

Добавим: будущему читателю в этих строфах посвящено все, поистине

И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
и благодарения поэта потомкам, в которых он верил.

Ю. Г. РУСАКОВА